

Мари Визард

НАУЧИ МЕНЯ СПАТЬ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
В42

Визард, М.

В42 Научи меня спать / М. Визард. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-521-90343-6

Ник не умеет спать.

Он скрывал свою особенность и уже научился с ней жить, как с ним произошли события, которые полностью поменяли его жизнь.

Еще эта новенькая Мила в школе, которая смотрит насквозь и, кажется, о чем-то догадывается...

Сможет ли Ник учиться дальше, стать взрослым, работать, создать свою семью и самое главное — научиться спать? Ведь люди с такой редкой особенностью, как у него, живут совсем недолго...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90343-6

© Визард М., 2022
© Орифов М., оформление, 2022
© Чеканова О., иллюстрация, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Я услышал, как прозвенел будильник в комнате Ханны. Сейчас она отключит его и перезаведет. Через пятнадцать минут будильник снова прозвенел. На этот раз послышался звук открывающейся двери и топот босых ног по паркету, затем шум воды в душе.

Я прошел на кухню. Дядя Джон сосредоточенно отмерял длинной ложечкой свежемолотый кофе.

— Привет приятель, чем занимался? — спросил он.

— Читал, потом уроки делал, посидел во дворе.

Он оторвал взгляд от кофе и встревоженно посмотрел на меня.

— Смотри не попадись на глаза соседям, а то от расспросов не отделаемся.

Ханна появилась на кухне в плюшевом халате и с полотенцем на голове, похожем на зефирку. Она прошла мимо меня и чмокнула в щеку на ходу.

— Доброе утро.

Я почувствовал, как запах ее шампуня начал причудливо смешиваться с ароматом кофе в моем носу. Ханна выпила стакан воды и заметила испеченные мной ночью пряники на тарелке. Она отломала половинку пряника и положила в рот. Вторую часть покрутила в руке, силясь рассмотреть начинку.

— Новый рецепт? С каждым разом получается все лучше.

Сегодня первый учебный день после летних каникул. Мы позавтракали, и дядя Джон подвез меня к школьному двору.

— Ник, я хочу тебя попросить, оставайся дома по ночам. Ты можешь вляпаться в неприятности, а Ханне в ее положении волноваться нельзя.

Я пообещал исправиться.

— Лучше приготовь лишнюю порцию ночных вкусняшек, — дядя Джон, дружески потеревил мое плечо, чтобы смягчить разговор.

У школьных ворот толпилась кучка старшекласников. Одна девчонка показывала что-то в телефоне, а остальные чрезмерно громко смеялись, явно привлекая к себе внимание. Подойдя ближе, я узнал ребят из параллельного класса, но они не обратили на меня никакого внимания. Девушку раньше в школе я не видел. Как только я поравнялся с ними, прозвенел предупредительный звонок в школе, и группа нехотя потянулась в здание вслед за мной.

— Он что второгодник? Выглядит лет на двадцать! — я услышал слова за спиной, произнесенные надменным тоном, и понял, что говорила новенькая девчонка. Посмотрел по сторонам — обо мне, вариантов нет.

— Нет, ему, как и нам семнадцать, — послышался негромкий ответ парня из их компании, — Учится в параллельном классе.

Я почувствовал холод в животе и прибавил шаг. Скорее всего, это было слишком заметно, потому что толпа прыснула от смеха, но постепенно голоса стихли, — они свернули в другой коридор.

Я нашел свою аудиторию и сел за парту. Как это всегда случалось после длинных каникул, с опаской оглядел своих однокласников. Я действительно заметно отличался от них внешне, но не так разительно, как в прошлые годы. Помню время, когда я был выше ровесников на целую голову, но к двенадцатому классу они наконец вытянулись, и некоторые сравнялись со мной.

Можно подумать, что я был авторитетом в школе, раз выглядел старше, но это не так. В нашей школе лидерами становились дети обеспеченных или высокопоставленных родителей. Им прощалось многое, в том числе неказистая внешность и слабые успехи в спорте, стоило им принести в школу новую марку телефона или какие-то интересные штуки из очередного путешествия за океан.

Дядя Джон рассказывал, что в его детстве все разлады решались драками на школьном дворе. Я же видел потасовки только в начальной школе и то больше похожие на дурачество. Сейчас хватало материального превосходства и группового игнорирования, чтобы решить любой вопрос.

Иногда в особенно одинокие ночи, я брал книги по психологии из библиотеки Ханны. Мне казалось, в них даются нереальные для реализации советы. Хочешь быть популярным в школе — будь полезным, по-

могай тем, кто нуждается в помощи. В нашей школе это означало бы стать свитой такой группки популярных ребят, которые только что посмеивались надо мной во дворе школы.

Следующий совет из книги — найди свое увлечение и стань в нем лучшим. В своем хобби — приготовлении десертов — я добился значительного мастерства еще в шестом классе. Даже приносил свои угощения на какой-то школьный конкурс талантов. Все с удовольствием попробовали, но потом стали звать меня мистер Пончик. Я всегда был немного полноват, такое прозвище сильно ударило по моей самооценке. Дальше я готовил только для семьи, хотя Ханна шутила с серьезным видом, что, когда появится их с дядей Джоном ребенок потребуются дополнительные финансы, и она отправит меня на подработку в ночное кафе. Честно, я об этом мечтал, но в моем районе школьников принимали на работу неохотно. Скорей бы закончить этот учебный год, и забыть школу навсегда.

Все-таки один приятель у меня был, по имени Шон Тейлор. Мы жили по соседству и, когда были младше, ходили друг к другу в гости. Сейчас Шон погряз в бесконечных олимпиадах и конкурсах одаренных детей, поэтому я видел его только в школе. Его родители были учеными, Шон мечтал пойти по их стопам.

На большой перемене я встретил Шона в школьном саду. Он читал какую-то толстую книгу, но, увидев меня, отложил ее в сторону и пожал мне руку.

— У нас новенькая в классе — Мила, — поведал Шон, — Чемпионка, бегунья, ее посадили со мной, чтобы я помогал ей с учебой. Она, по-моему, не в восторге от этого, но ты знаешь нашу классную, ей не возразишь.

Мы пошли к школьной столовой.

— Вот она за тем столиком, — Шон незаметно махнул рукой.

Я увидел девочку с белыми волосами. Это она комментировала мою внешность утром. Мы взяли по тарелке отбивной с картошкой и два штруделя. Я налил газировку в стакан, а Шон кофе.

— Не спал пол ночи, — прокомментировал Шон свой выбор напитка, — Решал задания на олимпиаду, если выиграю, поступлю в колледж без экзаменов.

— Ты точно выиграешь, — заверил я.

— Читал объявление у шкафчиков? Школьный поход в честь начала учебного года. Будут и соревнования по бегу, ты же бегаешь лучше всех.

— Бегал, — поправил я, — За лето я набрал вес, посмотри на меня.

— Ну это пустяки. — подбодрил Шон.

После уроков я сел в автобус, но через пару остановок увидел в окно Ханну, идущую по улице, и вышел. Подбежал к ней.

— Оо, наш ученик! Как школа? — спросила она весело.

— Нормально.

— К тебе не цеплялись одноклассники?

— Нет, все хорошо.

— Я иду на рынок, ты как раз вовремя, поможешь с сумками.

Ханна шла между овощных рядов, удивительно легко ступая, не смотря на свой большой живот. Она набирала в тканевые мешочки орехи, бобы, сухофрукты, подавала взвесить продавцу, а он передавал их мне. Я загляделся на работу их проворных рук и на минуту почувствовал оцепенение во всем теле, как будто меня погрузили под воду с головой. Сначала я мутно увидел тревогу в глазах Ханны, потом она вскрикнула. По тому, как заныла спина я понял, что упал на каменный пол рынка.

Кажется, мне помог встать продавец. Ханна пыталась помочь, но тот предостерег ее: «Что вы, в вашем положении!».

Меня усадили на какой-то ящик из-под помидоров, я уже четко все видел и чувствовал себя ужасно неловко.

— Как ты парень? Перегрузили в первый день в школе? Вызвать врача? — спросил продавец, обеспокоенно заглядывая мне в лицо.

— Нет, все уже нормально, прошу прощения.

Я поднялся с ящика, потер ушибленный затылок и поднял сумки с пола. Мы вышли на улицу и решили пройтись до дома пешком, чтобы я мог подышать свежим воздухом. Ханна молчала, и я заподозрил неладное.

— Что? Там было душно, — я попытался ее успокоить.

— Это не первый раз?

— Было пару раз ночью, но мне всегда легче, когда я выхожу на воздух. Знаю, дядя Джон против того, чтобы я выходил, когда все спят.

— Я поговорю с ним, мы что-нибудь решим.

На ужин я приготовил ужин — запеченные мешочки из теста с сыром, беконом и яйцом пашот.

— Когда-нибудь мы будем ужинать в твоём ресторане, Ник. Это будет единственное место в мире, где блюдо от шеф-повара можно получить в любое время дня и ночи! — дядя Джон с удовольствием разглядывал содержимое своей тарелки.

Ханна засмеялась.

— Я не собираюсь работать круглосуточно, — возразил я, — И, вообще, я надеюсь на лучшее.

Дядя Джон отложил вилку и серьезно посмотрел на меня.

— Надеешься, что начнешь спать? — он покашлял — Ханна рассказала, что ты выключился на рынке на минуту. Это может быть опасно, при падении ты можешь серьезно удариться. Как давно это с тобой?

— Может месяц, не больше, но не в каждый день.

— Я думаю, все-таки пора обращаться в клинику, мы должны убедиться, что с тобой все в порядке, — сказал дядя Джон, глядя на Ханну.

Спорить я не стал, не хотелось тревожить Ханну нашими пререканиями. Мы продолжили ужинать, старательно делая вид, что ничего не произошло, и мы обычная семья.

Остаток вечера мы мирно провели за настольными играми.

Когда Ханна прибирала кухню перед сном, я зашел за стаканом сока.

— Еще не ложишься? — спросил я

— Собираюсь. Ник, хотела сказать тебе, — Ханна слишком медленно вытирала крошки со стола, и я занервничал, — Я записала тебя к врачу, мы поедем в понедельник сразу же после твоих уроков.

Я даже выдохнул.

— Уф, я уж думал ты скажешь что-то похуже, ладно, если тебя это успокоит, поедем.

Она улыбнулась.

— Как себя чувствуешь? — спросил я

— Спасибо, к вечеру устаю, ну и волнение, как все будет, все-таки возраст.

Я улыбнулся ей и сел за стол.

— Этот доктор наблюдал тебя, когда ты был маленький. Он говорил, что у тебя аномальная активность мозга, но есть надежда на бла-

гополучный исход, — что рано или поздно, ты начнешь спать, как и все дети. Лечения тебе не назначили, все остальные показатели были в норме. Он помог нам сохранить это в тайне, мы можем доверять ему, Ник.

Я колебался, мне хотелось узнать больше, в то же время боялся, что этот разговор слишком взволнует Ханну, к тому же помнил о своем утреннем обещании дяде Джону.

Ханна неспеша протирала дверцы шкафов, явно давая мне время начать разговор, если я к нему готов. Я услышал свой голос словно со стороны:

— А другие врачи, медсестры в роддоме, где я родился, тоже хранят тайну?

— Нет, Ник, раньше мы немного не договаривали тебе всю твою историю, а потом ты не спрашивал. Я все ждала подходящего момента. Ты перестал спать примерно с 6 месяцев, это случилось постепенно. В этом возрасте ты и попал в детский дом, затем почти сразу в нашу семью.

Наверное, я слишком долго ничего не отвечал, но Ханна терпеливо ждала и смотрела на меня с сочувствием.

— Значит она не знала, что я такой?

Я не смог сказать «мама».

— Нет, все началось уже после ее смерти.

Я почувствовал привычную злость при мыслях о матери. Она бросила меня, оставила, это из-за нее! Мои пальцы, сжимающие стакан с нетронутым соком, побелели. Ханна подошла и осторожно высвободила мою руку, погладила по голове.

— Я всегда буду любить тебя! Не надейся, что, когда появится малышка, я отстранюсь!

Я посмотрел в ее доброе лицо, мне стало тепло, и я искренне улыбнулся.

— Что будешь делать? — Ханна уже поднималась к себе в спальню.

— Не волнуйся, я буду дома.

— Завтра поедем к бабушке, мы сможем продолжить разговор все вместе.

— Ладно.

Она улыбнулась как обычно в своей манере, пряча губы и ушла. В доме стало совсем тихо. До утра я остаюсь один. Ну еще кот Томсон со мной, правда и он скоро уснет, устроившись на своей лежанке. Я прошел к себе и лег на кровать, закрыл глаза.

Я любил свою бабушку всегда, хотя мы общались не так много, она много болела, но старалась быть в приподнятом настроении, когда мы приезжали.

Я чувствовал, что хочу поболтать с ней о какой-нибудь чепухе: о ее цветах, подругах или вязании. Бабушка была единственной в семье, кто не затрагивал тему моей особенности, ей проще было делать вид, что в нашей семье все в порядке. Когда я был маленький, и Ханна говорила с ней о том, что я не сплю, бабушка делала вид, что не понимает, о чем идет речь. Ханна объясняла, что это ее своеобразный метод справляться с плохими новостями после смерти моей матери, а затем и дедушки, когда мне не было и двух лет.

Родители дяди Джона о том, что я не сплю не знали, они были у нас в гостях несколько раз, особого внимания на меня не обращали, часто напоминали, что я неродной внук, поэтому Ханна не стала им ничего объяснять, чтобы не усложнять нам жизнь.

Через полчаса мне надоело лежать в кровати, и я встал. Домашнего задания нам задали мало, надо растянуть его на всю ночь. Скорей бы стали задавать больше, так время до утра проходит быстрее.

Открыл задачник и вдруг вспомнил девчонку, которая обсуждала меня с компанией утром. Второй раз за вечер я почувствовал злость. Захотелось на улицу, но нельзя нарушать обещание.

Прошелся по комнате. Решил поприсесть, — быстро надоело. Чтобы отвлечься, включил сериал, который видел уже много раз, но мне это даже нравилось. Я знал почти каждую реплику наизусть. Одна серия, и я снова в равновесии.

Я снова прошелся по комнате, стянул футболку и разглядел себя со всех сторон в зеркало. Я действительно сильно повзрослел внешне за это лето, может всему виной набранный вес?

Включил музыку и отжался двадцать раз. На двадцать первый заходить не стал, потому что почувствовал тяжесть в голове, поспешил встать, но поздно. Я уже падал прямо на дверцу шкафа. Кажется, через секунд десять я смог потерять ушибленный локоть.

Я всерьез подумал о том, что пора обмотать свою комнату чем-то мягким. Сидя на полу, встретился взглядом с глазами Ханны на фотографии в рамке. Фото стояло на тумбочке, я долго любовался лицом Ханны снизу вверх, как в детстве. Я уже совсем взрослый, а она скоро станет мамой, настоящей.

Помню почти каждую ночь, когда я ждал ее пробуждения. Сначала она спала в моей комнате, а я играл рядом. Потом появился дядя Джон, и они начали дежурить по очереди. Я всегда ждал утра, чтобы снова увидеть ее: обнять, сказать, что скучал, заплакать, поделиться всем, что произошло за ночь.

Она делала все, чтобы скрасить наше расставание. Покупала книги, мультики, игрушки, позже подкладывала мне записки с заданиями. В последние года два, когда я начал всерьез увлекаться кулинарией и проводить пол ночи за готовкой, наш утренний ритуал заключался в ее дегустации моих угощений. Получалось не всегда хорошо, но теперь я чувствовал, что могу начать радовать ее и отдавать что-то взамен за ее любовь и принятие меня с моей особенностью.

Я посмотрел на часы — четыре утра, пора готовить завтрак. Экспериментальные варианты я съедал сам, отработанные и улучшенные версии, оставлял Ханне и дяде Джону. Я никогда не оставался без их похвалы или доброй критики, это был новый уровень общения комфортный для нас всех.

Но сейчас все меняется. У меня скоро родится сестра. Мечтаю много помогать с ней, но доверят ли мне? С моими падениями, наверное, нет. Еще поэтому Ханна ведет меня к врачу? Узнает ли еще кто-то о моем диагнозе?

Я взглянул на часы, встал к пустому кухонному столу, придумывая десерт. Смородиновый зефир получился не сразу, несколько партий не поднялись, но я не сдавался, немного скорректировал рецепт. Готово. Посыпал сахарной пудрой. Десерты — это мой конек, через них я передаю близким людям свою признательность им.

Пора приготовить что-то для бабушки. Она конечно же скажет, что ей нельзя, но кусочек съест.

Я снова посмотрел на часы.